С.А. СИЛЬВЕСТРОВА
Журналист, Чикаго
e-mail: svetasil@comcast.net

S.A.SILVESTROVA
Freelance journalist, Chicago
e-mail: svetasil@comcast.net

О «ЮБ» И О «ТЭ». ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

ABOUT «YUB» AND «TAE». STROKES TO THE PORTRAITS

Автор вспоминает о годах работы в редакции журнала «Техническая эстетика», главным редактором которого был директор ВНИИТЭ, Юрий Соловьев, об интервью с дизайнерами, и роли Соловьева в подготовке очередных номеров.

The author recalls the years of work in the editorial office of the journal «Technical Aesthetics», the editor-in-chief of which was the director of VNIITE, Yuri Solovyov, about interviews with designers, and the role of Solovyov in preparing the current issues.

Ключевые слова: ВНИИТЭ, Юрий Соловьев, журнал «Техническая эстетика»
Keywords: VNIITE, Yuri Soloviev, «Technical Aesthetics» magazine

Маленькое вступление. Хочу выразить благодарность организаторам этого чудесного мероприятия за приглашение хотя бы заочно поучаствовать в нем и поделиться воспоминаниями о том счастливом периоде, когда я работала под непосредственным руководством незабываемого Юрия Борисовича Соловьева.

А продолжалось это целых 18 лет! За эти восемнадцать лет — трудно поверить — моя карьера сделала несколько кульбитов: я два раза была простым редактором журнала «Техническая эстетика» и два раза — заместителем главного редактора, то есть самого ЮБ.

Начну по порядку. Я работала спецкором на свободных хлебах в нескольких московских газетах и тут узнала о вакансии в редакцион-

но-издательском отделе ВНИИТЭ, а точнее — в журнале ТЭ. Нужен был редактор. Меня взяли. Это был 1974-й год.

Счастья я испытала выше крыши, еще бы — модная молодая для СССР специальность, пусть техническая, но — эстетика! Художники, да не просто художники, а художники-конструкторы, командировки всякие, выставки. Но самое главное — мой начальник, главный редактор журнала, ЮБ, красавец, аристократ! Пройдет по длинному коридору в свой крайний кабинет — словно светом всех обольет! Приветлив, улыбчив, артистичен. Всегда безупречно, со вкусом одет.

Помню, как я привыкала к новому месту. Все-таки не суматошная газетная обстановка, а серьезный научный коллектив, серьезная тематика журнала, соответствующая тематике отделов Института — теория и история дизайна, методика, проектные дизайнерские разработки, экспертиза качества ТНП, информация о новостях в зарубежном дизайне и выставочная деятельность ВНИИТЭ. Все для меня интересно!

Штрих. Помню один удививший меня эпизод в редакции. Привезли тираж нового номера. Милая старенькая редакторша (кажется, Р. Гринберг), стала перелистывать страницу за страницей и шептать: раз Гринберг, два Гринберг, три Гринберг… Я ничего не понимала. На страницах — обычное дело — текст, иллюстрации, подписи. Она считала дальше — четыре, пять… И вдруг — громко: «Двенадцать страниц в журнале сделала Гринберг, а зарплата все та же!» Да… Зарплата у редакторов была крошечная. Да и позже, когда я делала уже не двенадцать страниц, а весь журнал от обложки до обложки, зарплата не радовала.

Зато радовала работа!

Наверное, в силу своей корреспондентской закалки, я не могла не выйти за рамки простого редакторства, то есть редактирования присланных статей. Я буквально облазала оба здания ВНИИТЭ — на ВДНХ и в Хилковом переулке, перезнакомилась с видными людьми, установила для себя, какие отделы занимаются самыми интересными проектами и направлениями. А имен ярких тогда было много — В.Мунипов, О.Антонов, В.Зинченко, В.Аронов, Г.Лист, Г.Минервин, В.Глазычев, Л.Жадова, Е.Черневич, И.Березовский, А.Дижур, В.Колейчук… Некоторые из этих людей были членами редколлегии ТЭ, в том числе и академик, авиаконструктор Олег Константинович Антонов, к которому позже я ездила в Киев за интервью. Но, в первую очередь, я старалась не пропускать ни одного заседания Ученого совета, на котором выступал Юрий Борисо-

вич: его острая критика, его рассуждения, его юмор были одновременно и спектаклем и школой жизни для меня.

ЮБ обожали во всем дизайнерском мире, он мог обаять самого Бога. И даже свое министерское начальство — чиновников из Комитета по Науке и Технике. Умение убеждать и природное обаяние открывали для него все двери. А ЮБ, в свою очередь, открывал и расширял мир для всех нас — мир профессиональной информации и широкое поле для профессиональной деятельности.

Основанная им «Техническая эстетика», первый и единственный в СССР периодический бюллетень по дизайну, был одним из рычагов в этой его работе. А созданная им богатейшая библиотека во ВНИИТЭ? А изобретенная им форма международных проектных семинаров «Интердизайн»? А открытие по стране 10 филиалов ВНИИТЭ или выставки советского дизайна за рубежом? Его идеи, замыслы и планы, действительно, были «громадьем». Наконец, Соловьев смог «пробить» — вспомните, какие это были застойные годы! — правило периодически приглашать во ВНИИТЭ иностранных лидеров, звезд мирового дизайна. В гости приезжали и Раймонд Лоуи, и Миша Блэк, и Виктор Папанек, и Артур Пулос, и Тимо Сарпанева… Что касается меня, могла ли я при таких лакомых для журналиста обстоятельствах просиживать дни за редакторским столом? Нет уж.

Я и уговорила тогдашнего зам. главного Евгения Васильевича Иванова поручить мне делать с гостями интервью. Ввели рубрику, показали Юрию Борисовичу первый материал, помню, как раз с финном Тимо Сарпанева. Страницы получились весьма красочными: вопросы-ответы, фотографии героя, его великолепные изделия из стекла…

Соловьев искренне удивился. Все-таки, научно-методический «бюллетень», а тут живое интервью, такая вольность! Но ЮБ не был бы ЮБ. Сам постоянно придумывал всякие, как теперь говорят, «риски».

Одобрил, а меня, наверное, запомнил.

Штрих. Я тоже запомнила свой страх и ужас, когда после публикации интервью. Тимо подъехал к институту на машине, вызвал меня из редакции и открыл передо мной багажник — выбирай! Широкая улыбка, широкий жест дарящего… Багажник был заставлен яркими глянцевыми коробками с фирменным сарпаневским стеклом — бокалы, рюмки, стаканы. Как тут не задохнуться от страха — подарки? От иностранца? Но он завалил подарками буквально всех и каждого. В благодарность, видимо, потому что о Тимо Сарпаневе узнала вся художественная Москва — после его персональной выставки и широкой прессы.

Но как я превратилась — спустя неполный год работы — из простого редактора в заместителя главного? Здесь вполне уместно слово «вдруг». Виноват во всем был Конгресс ИКСИДа. Октябрь 1975 года. Важнейшее событие для дизайнерской мировой общественности и лично для Соловьева — он был избран Президентом ИКСИДа на этом знаменательном Конгрессе.

Успех был полный, все работали, как сумасшедшие, днями и ночами. И все проходило на высшем уровне. Я, разумеется, времени не теряла — выискивала в перерывах «звезд дизайна», уводила их — с переводчиком и фотографом — в сторонку из зала и делала блиц-интервью. Накопила целую галерею.

Штрих. Случился на Конгрессе, между прочим, и такой инцидент. Кажется, я разговаривала тогда с итальянцем Этторе Сот-

сассом. Вдруг вижу, какой-то незнакомый, сухой, как стручок, дядька манит меня пальчиком к себе. Строго так, настойчиво. Извинившись перед собеседниками, подхожу. «А кто вам разрешил разговаривать с иностранным гостем?» — спрашивает. У меня даже слова застряли в горле от такого его… глупого вопроса. А он продолжает: «А как ваша фамилия? Кем работаете?» И чиркает, чиркает что-то в блокноте. Да… было и такое.

Но вот отшумел Конгресс. Весь ВНИИТЭ ликует. Вся редколлегия журнала ТЭ ликует еще больше — сколько теперь богатства! Редакционный портфель полон: интереснейшие доклады, новости со всего света, информация о проектах из первых рук! Материалов теперь хватит на месяцы и месяцы вперед!

А не тут-то было.

Наши «органы», оказывается, не дремали, стояли на страже государственных интересов… Это вы, легкомысленные и легковерные художники и редакторы, можете забыть о вреде чуждых советскому гражданину мыслей и настроений. А наше цензурное око не спит! Здесь вспоминается еще один момент, ярко иллюстрирующий, насколько тщательно охранялись эти самые «интересы». Всем советским участникам, выступающим с докладами на секциях, было негласно, но строго приказано… не демонстрировать никаких иллюстрации! Ни слайдов, ни фотографий! Выглядело это более чем удивительно: доклад, посвященный дизайну, профессии, где визуалистика — ее главная составляющая, эта самая визуалистика запрещена! Мне рассказывали, как вышел из положения Дмитрий Азрикан. Нельзя показывать слайды на экране? Тогда возьмем рулон бумаги, натянем его на вертикальную стойку, будем рисовать прямо вживую, на глазах зрителей-слушателей. Так они и выступили на Конгрессе, сотрудники 9-го отдела: Азрикан рисовал, поясняя свою мысль, а Р.Гусейнов вытягивал для него бумажное полотно — по мере необходимости.

На другой же день после закрытия весь творческий багаж Конгресса был арестован ГКНТ, все доклады, снимки, вся информация была изъята. Портфель опустошен. Более того, велено было отныне приносить подготовленный номер на подпись цензору в ГКНТ!.. Таким образом, сроки выхода очередных после октября номеров были сорваны. Вышел, кажется, на скорую руку, худосочный номер с официальной информацией о прошедшем Конгрессе. Но материалов катастрофически

не хватало, редакторы мучительно рыскали по ящикам в поисках завалявшихся статей, Юрий Борисович даже негласно распорядился обязать научных сотрудников срочно готовить статьи для журнала. Обстановка была тревожной и напряженной — отставание от нормальных ежемесячноых сроков выхода грозило протянуться… на полугодие.

И вот приходит к нам в редакцию из Отдела теории искусствовед Галина Леонтьевна Демосфенова (я редактировала несколько ее работ) и говорит мне: «Пойдем к ЮБ». Пришли в кабинет. Она указывает на меня и говорит: «Вот кто нужен сейчас журналу, вот кто способен спасти положение. Назначьте ее своим замом и вы не пожалеете, Юрий Борисович!»

Вот так — без меня меня женили.

Заместителя главного редактора Евгения Васильевича Иванова уволили. Я хорошо помню этого добродушного человека, он был честным трудягой, любил журнал, возился с ним, как с любимым ребенком, но, надо сказать, все-таки для роли зам. главного не очень подходил, был робким, неуверенным в себе. И боялся, и бесконечно уважал Соловьева. Каждый раз, сдавая ему на утверждение приготовленные рукописи, он с видимым трепетом ждал результатов, а когда обнаруживал росчерк ЮБ в конце последней страницы, шумно радовался, как дитя. Я абсолютно искренне упрашивала Юрия Борисовича не увольнять, сделать Иванова просто редактором (Иванов и сам откровенно просил меня об этом), но получила в ответ… совет: никогда не следует оставлять в подчинении того, кто прежде был вашим начальником!

И начался для редакции самый трудный период. Но коллектив у нас собрался замечательный, мы умели работать дружно и быстро. Ответсекретарь Н.Шуба, два художественных редактора, главный — Валерий Черниевский, борец со стандартами, и худред, его помощница и жена Лариса Денисенко. Еще, разумеется, техред, опытнейший Борис Минеевич Зельманович, наша опора и надежда при решении всяких типографских проблем, и еще три редактора.

Вот тогда мы и придумали «сдвоенные номера». Нельзя сказать, что по объему они разительно отличались от стандартных, но в этом и была уловка — набрать материала на один номер, а обозначить, как удвоенный, например, № 3–4, № 5–6. Через пару-тройку месяцев мы вышли вровень с календарем.

В чем еще была трудность? В двойной цензуре.

Работа строилась так.

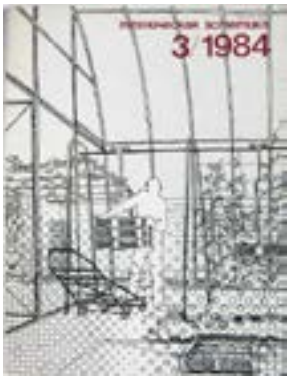

Первое — побегать по Институту, по отделам, уговорить проектировщиков написать статьи по их разработкам, выпросить у теоретиков статьи по их исследованиям. Отредактировать. Сделать иллюстрации или рисунки. Придумать обложку, сделать слайд с нее и черно-белый вариант в размер. И со всем этим багажом всей гурьбой в кабинет ЮБ — на утверждение.

Тут можно перефразировать известное изречение и вместо «вначале было слово» сказать «вначале была обложка»! Для Юрия Борисовича она была идеей фикс, камнем преткновения, любимым предметом для обсуждения — нет достойной обложки, нет номера! Не получился!

Штрих. Недаром живет такая остроумная легенда, которая, впрочем, не легенда, а факт и свидетельство искусствоведа Лены Черневич (о котором в своей статье упоминает петербургский дизайнер Сергей Петров): когда в 1964 году готовился к печати первый номер бюллетеня, Соловьев предупредил графиков: «Обложка должна быть проста и элегантна». Это сказал человек, который сам всегда выглядел, одевался именно просто и элегантно. Художники задумались, вгляделись в костюм ЮБ — черный, в узкую полоску — и так и сделали обложку, черную, в узкую полоску.

Наш главный был «строг, но справедлив». Хорошо зная правила рабочих отношений с типографией (ведь профессиональное образование ЮБ — Полиграфический институт), он понимал всю важность сроков сдачи журнала в печать. Не принесешь рукопись ровно к 12 часам назначенного дня — ленотописты, метранпажи и печатники займут машины другой работой. Он понимал — чей-то доклад или заседание Ученого Со-

вета или даже партсобрание — все это можно отложить, а вот редакцию надо принять в первую очередь.

И при этом — никакой спешки. Соловьев просматривал каждую фотографию, комментировал, проглядывал рукописи, некоторые оставлял для внимательного чтения. Требовал глубоких аналитических статей, а «пустопорожние» отбрасывал. Говорил о своем решении тут же, мгновенно. Что-то просто безжалостно вышвыривал — молча. Хотя и шутил и подтрунивал, мог ввести человека в краску или даже сказать комплимент: «Ваша новая прическа вам очень к лицу».

Но как бы мы не трепетали перед Юрием Борисовичем, общение с ним, обсуждения, даже споры и объяснения тех или иных наших решений (выбор авторов, акцент на ту или иную тематику, выбор объектов для обложки) — все это было интересно, плодотворно и приносило моральное удовлетворение. А вот отнимающая время и силы беготня с папкой рукописей на поклон в ГКНТ, на одобрение цензора — это действительно был нелегкий и унизительный труд. Отнесешь папку и томительно ждешь, когда вызовут и будут указывать, что годится, а что нет.

Штрих. Хорошо помню свой первый обязательный визит в ГКНТ — просто укол в сердце! Я вошла в кабинет и увидела, кого именно приставили нам цензором! За столом сидел тот самый сухой как стручок товарищ, который запретил мне на Конгрессе «разговаривать с иностранцем»…

Со временем цензорское давление на «Техническую эстетику» стало ослабевать, авторитет главного редактора в Госкомитете по науке и технике рос с каждым годом — вместе с ростом авторитета дизайнера

на предприятиях и в целом дизайна как профессии. В 1983-м бюллетень ТЭ получил статус журнала. Его основные тематические направления заметно расширились, для читателей он стал главным информатором и настоящим пропагандистом — в подлинном смысле слова — хорошего дизайна. И особенно изменился — с приходом в конце 70-х нового главного художника — его графический облик. На смену некоторой стандартности, шаблонности пришла яркость, демократичность и изобретательность. Это целиком заслуга Валерия Черниевского. Он одарен не только талантом, но еще и духом независимости, чувством внутренней творческой свободы, он много пробовал, фантазировал, комбинировал. И тут важно добавить, что и обложки В.Черниевского и все визуальное решение журнала «проходили через ЮБ» почти без шероховатостей.

Штрих. А надо помнить, что на похвалу Юрий Борисович был не слишком щедр. Вернет рукописи без замечаний — уже праздник, уже замечательно! Именно из-за редкости его похвальных слов я и запомнила один знаменательный эпизод в его кабинете. Он вызвал меня и, возвращая папку с приготовленным номером, вдруг улыбнулся и сказал: «А с вами, Светлана, легко работать»... Мне от этих слов захотелось... летать. Было чувство, как будто меня угостили лучшим на свете итальянским джелато! Но я не ушла из кабинета, а вдруг осмелела и решила задать вопрос, который давно мучил меня. «Юрий Борисович, а почему так получается, что на статьи всех наших авторов вы требуете две рецензии, а на Дмитрия Азрикана — три?» Он — моментально: «Да потому, что статьи такие! Чтобы их опубликовать, их нужно обезопасить, сам-то он не думает о своей безопасности»...

Главный учил нас ценить визуальный материал. «Изучайте зарубежные издания по дизайну!» Мы многое снимали сами и требовали от авторов — и от своих, вниитэвских, и от сторонних, которых стали привлекать все чаще, — богато иллюстрировать статьи, прилагать рисунки, чертежи. Прекрасный урожай в этом смысле получился от пришедшей мне в голову идеи об... «антидизайне». Так и назвали рубрику — «Антидизайн». Из всех филиалов посыпались статьи об уродливых или бессмысленных отечественных изделиях. Причем, мы требовали профессиональной и обоснованной критики этих вещей. А когда появился хороший запас и стабильно пошел поток от теоретического отдела, то мы придумали еще один ход — визуально выделять статьи философского, культурологического плана от остальной тематики. Эти статьи

верстались поперек журнала горизонтально! Совсем другой макет. Часть журнала из восьми-десяти страниц вшивались в центр, в самую середину, и надо было повернуть журнал на 90 градусов, чтобы читать эти врезки. Зато так подчеркивалась, на наш взгляд, их особая ценность.

Как же снова произошел поворот, и я вернулась к старой должности — редактору отдела? Очень просто. После пяти лет довольно напряженной работы я элементарно устала. К тому же хотелось больше писать самой для журнала — вокруг столько было соблазнительных для журналиста тем и возможностей. И я стала при каждой встрече просить Соловьева освободить меня, перевести в редакторы. Он только и отвечал: «Не морочьте голову — (его любимое выражение, когда он был недоволен — С.С.) — у меня нет замены».

Пришлось самой искать себе замену. Ходила по пятам за Жанной Федосеевой, начальницей редакционно-издательского отдела, куда административно входила и наша редакция. Жанна Васильевна была заметным человеком во ВНИИТЭ, ее «хозяйство» было объемным и разнообразным — от редактирования научных трудов Института до переплетного цеха. Внешне Жанна была воплощением солидности и строгости. Можно и еще прибавить два эпитета на ту же букву — серьезности и спокойствия. «Нет легкомыслию и суете! — говорил ее облик. — Да здравствует аккуратность и благоразумие!» Мы с ней были примерно одногодками и состояли в дружеских отношениях.

Я ее уговаривала, слегка передергивая: «Бросьте, Жанна, эту скучную производственную работу: печатный цех, переплетный цех, диспетчерский цех… и возглавьте живую, даже животрепещущую творческую деятельность!» В итоге уговорила, и я снова — простой редактор. «Свободен, свободен, свободен, наконец!»… Соловьев согласился с этой комбинацией — расклад был принципиально не тот, что с увольнением Иванова: Федосеева хоть и номинально, но и прежде была и теперь осталась моей начальницей.

Штрих. Жанна не преминула подчеркнуть однажды, кто теперь, после ЮБ, хозяин в журнале. Во ВНИИТЭ приехал Кендзи Экуан, фигура мирового масштаба в дизайне, основатель крупнейшей японской дизайнерской фирмы, и я, конечно же, написала очерк о нем и опубликовалась в любимой москвичами газете «Неделя». И что? Получила от Жанны выговор и головомойку: мол, трачу свое редакторское время, отвлекаюсь на чужие интересы. А я как раз считала наоборот, что пропагандирую и дизайн, и ВНИИТЭ.

Через несколько лет, с самого начала 1986-го, когда и Жанна устала тащить воз, она попросила ЮБ освободить теперь ее (кажется, переключилась на научного сотрудника). Меня же просто, не спрашивая, перевели «обратно» замом. Все вокруг так и спрашивали: вы обратно зам. главного? Так я и работала еще шесть лет, до своего отъезда в Америку в 1992-м.

К концу 80-х в нашем дизайнерском мире стало многое быстро меняться. Внештатная служба манила многих. Первым ушел из редакции Черниевский — его полностью заменила Лариса Денисенко.

Через какое-то время покинула журнал и Денисенко. Главной головной болью — по соловьевской традиции — стало для нас создание обложки.

Но мы открыли двери для «сторонних» графиков. Очень помогла Ирина Мамонтова, а настоящей удачей стало появление в редакции в качестве фрилансера одного из самых ярких московских графиков Саши Гельмана. С полным основанием можно говорить, что лаконичные, смелые по композиции и цветовому решению обложки Гельмана резко и выгодно выделяли наш журнал из ряда всех других специализированных изданий. И новый логотип, минималистский товарный знак ТЭ — это тоже его изобретение.

С созданием Союза Дизайнеров СССР (1988–89) перемены во ВНИИТЭ произошли разительные. Прежде всего, Институт покинул Юрий Борисович, он стал Президентом союза. Журнал лишился и начальника, и друга. Директором стал Лев Кузьмичев, и соответственно, и главным редактором ТЭ. Но! Но сколько я ни напрягаю память, не могу вспомнить, чтобы в эти пару-тройку лет (1989–91) ходила с папкой оригиналов в кабинет Кузьмичева на подпись. Нас контролировал, а лучше сказать — помогал, зам по науке Владимир Михайлович Мунипов.

В самом начале 1992-го мне снова пришлось удвоить силы и приготовить материалы наперед для мартовского и апрельского номеров. Семья наша уже «сидела на чемоданах», в феврале я уволилась. Уже за пределами страны узнала, что на июльском выпуске журнал прекратил свое существование.

Мы все знаем, как нелегки были для ВНИИТЭ годы ухода со сцены. Институт сильно ослабел: кадровые, финансовые, проектные проблемы и переход под крыло совершенно чуждого института — все вело к разрухе. И в итоге, на мой взгляд, к позору: никто не позаботился о сохранении серьезного (и культурного, и исторического) архивного

богатства, которое накопил ВНИИТЭ. Не осталось следа ни от проектов и макетов, ни от журнала, ни от научных Трудов, ни от библиотеки… Поэтому огромную благодарность испытываешь к созданному позже в Москве Музею Дизайна, к его менеджерам Саше Саньковой и Ольге Дружининой, за их усилия возродить память об этой профессии…

Штрих. Живя в Америке, мы с мужем Д.Азриканом много и часто общались по телефону с Юрием Борисовичем. До сих пор помнится его последний звонок и последние слова, сказанные легко и бодро: «Когда приедете, ребята? У меня для вас комната готова!»…